

УДК 82.091+821.133.1

**ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ГЛАЗАМИ САРМАТОВ:
ЯН ПОТОЦКИЙ И ЛЮДВИК ПЛАТЕР¹**

*канд. филол. наук, доц. Д.А. КОНДАКОВ
(Полоцкий государственный университет)
d.kandakou@psu.by*

Рассматривается восприятие событий Французской революции двумя представителями шляхты Речи Посполитой – графом Яном Потоцким и графом Людвиком Платером. Первый из них был непосредственным очевидцем и участником культурной жизни Парижа конца 1790 года, второй – заинтересованным сторонним наблюдателем. Их впечатления отразились в переписке с родными братьями, в которой выработанные Французской революцией понятия и символические образы используются для осмысления и переживания событий, происходящих на родине. Театрализация жизненного опыта, присущая социальному поведению и Яна Потоцкого, и Людвика Платера, позволяет сделать вывод о подвижности границ между частной и общественной сферой, интимным и публичным высказыванием, социальной маской и субъективным мироощущением в условиях революционных преобразований в Речи Посполитой конца XVIII века.

Ключевые слова: Французская революция, франкоязычная литература XVIII века, театр неоклассицизма, театрализация, частная переписка, символические образы.

Введение. Переломные и кризисные события, всякого рода кануны и рубежи, порождают не только мистические и эсхатологические настроения – предвосхищение грядущего конца и упадка. Они, как показывают междисциплинарные гуманитарные исследования, провоцируют и усиливают культурный обмен [1]. Поэтому, обращаясь к изучению франкоязычной литературы Беларуси и Речи Посполитой XVIII–XIX столетий, важно обратить внимание на рубеж веков, отмеченный во Франции революцией 1789 года и разделами Польши 1793 и 1795 годов. Каким было влияние новых явлений в литературе и культуре Франции на Речь Посполитую? На этот вопрос мы дадим ответ на материале частной переписки двух галлофилов – Яна Потоцкого и Людвика Платера. Граф Ян Потоцкий, франкоязычный писатель, автор знаменитого романа «Рукопись, найденная в Сарагосе», политический деятель, ученый-энциклопедист в особом представлении не нуждается. Больше требуется сказать о Людвике Платере (1775–1846) – представителе известного латгальского рода, владевшего имениями в окрестностях Даугавпилса (Илукста, Ликсна, Бебрене, Шлосберг и др.). Он принимал участие в восстании 1794 года, занимал различные государственные посты в Царстве Польском. После восстания 1831 года пребывал в эмиграции в Париже, где много писал, активно занимался культурно-организаторской деятельностью, став в 1832 году инициатором, соучредителем и фактическим главой польско-литовского Литературного Товарищества в Париже [2]. Его младший брат Михал (1777–1862/1863), основатель новой ветви рода – Платер-Зибергов, в юном возрасте также был участником восстания Костюшко, после которого провел некоторое время в Варшаве. После 1796 года вернулся в родное поместье и перешел на гражданскую службу, став в 1816 году виленским гражданским вице-губернатором [3]. Значительную часть своих общественных, финансовых и родовых контактов с выдающимися людьми того времени (например, художником Яном Рустемом), а также с представителями местной элиты он поддерживал на французском языке. Даже корреспонденцию между собой супруги Платер-Зиберги (жена Изабелла также происходила из латгальской знати) в течение четырех десятилетий поддерживали по-французски и подавали пример своим детям [4]. Таким образом, можно утверждать, что интерес к французской культуре и французскому языку был отличительной чертой семейства Платеров. В этом оно не отличалось от более богатого и знатного рода Потоцких. Тем интереснее сравнить отношение к Французской революции двух молодых патриотов Речи Посполитой, не чуждых литературным трудам.

Основная часть. Ян Потоцкий и Людвик Платер, подобно многим из их современников и соотечественников, внимательно следили за событиями во Франции. В 1789–1791 гг. Национальная Ассамблея подсказывала Четырехлетнему Сейму пути и формы преобразований, а подданные Речи Посполитой заимствовали у французских революционеров образцы гражданского служения отечеству и риторике политических высказываний. Так, в ответ на декларацию российского престола от 18 мая 1792 года, выражающую недовольство конституцией 3 мая 1791 года, сейм отвечает обращением к Екатерине II и всей

¹ Данное исследование проведено в рамках проекта № Г-15Ф-001 «Французские и франкоязычные рукописи в Беларуси (XVIII – начало XX вв.)», осуществленного при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований.

просвещенной Европе (разумеется, и Франции) за подписью Казимира Нестора Сапеги и Станислава Малаховского, маршалков конфедерации ВКЛ и королевства Польского. Речь изобилует апелляциями к «свободе и независимости Польши, двум важнейшим атрибутам ее политического существования» («la liberté et l'indépendance de la Pologne, ces deux attributs essentiels de son existence politique»), «национальным свободам» («libertés Nationales») [5, p. 1–2]. Другой документ, выпущенный в то же время и подписанный теми же людьми, – циркулярное письмо от имени короля Речи Посполитой и ее сословий к нации, заявляет, что «своей декларацией Россия открыто нарушает *права людей*²» («par sa Déclaration, la Russie viole ouvertement le droit des gens»), в то время как «любовь к родине волнует сердца всех и делает способной на все ради нее» («l'amour de la patrie remue tous les cœurs et rend capable de tout pour elle») [6, p. 4, 10].

Соседям Речи Посполитой такие подражания революционной риторике приходились не по вкусу. Российский престол, равно как прусский и австрийский, воспринимал французские волнения с опаской и стремился оградиться от них. Реформы Четырехлетнего Сейма Екатерина II осуждала, называя меняющуюся Польшу «якобинской» [7, с. 696–697], а в 1793 году и вовсе покончила с ними, поучаствовав в разделе соседней державы. Лишение Речи Посполитой независимости, грозившее утратой национальной идентичности, только подогревало интерес поляков и литвинов к французским примерам освобождения от тирании и воссоздания нации на новых политических началах.

Подданные польской короны и Великого Княжества Литовского смотрели на события во Франции не только издали, среди них были и очевидцы. Сколько таковых было – сказать затруднительно, ибо точных подсчетов не существует. Такой перечень вполне мог бы быть составлен парижской полицией еще в момент событий, однако надзорная деятельность этого старорежимного органа власти и контроля была нарушена революционными событиями в июле 1789 и прекратилась в конце 1791 года. В донесениях полиции в начале революции уделялось много внимания, как и в предыдущие годы, дипломатам или знатым особам и очень мало – скромным путешественникам. Так, наблюдая за переворотом в жизни парижского общества, инспектор полиции отмечает в рапорте от 30 октября 1789 года: «На этой неделе не приехал ни один чужеземец, который бы был достоин малейшего внимания. Напротив, те немногие, что были, торопятся покинуть столицу. Поляк граф Ржевуский³, долгие годы живший в Париже, отправился в путешествие по южным провинциям. По сведениям, он намерен провести зиму в Ницце, поскольку отдал распоряжение доставить ему туда мебель и прочее имущество и повелел некоторым из своих слуг прибыть к нему. Княгиня Любомирская⁴ также покинула Париж, путешествует сейчас по Провансу и проведет зиму в Ницце. Эти чужеземцы и многие другие удаляются из Парижа с сожалением. Они вернутся сюда, как только окончательно восстановят спокойствие и безмятежность» [8, f. 28r^o–29r^o].

Гости из Речи Посполитой стали возвращаться гораздо раньше, чем водворились «спокойствие и безмятежность», – кто-то из чистого любопытства и беспечности, как погибшая на эшафоте во время якобинского террора княгиня Розалия Любомирская, кто-то в поисках творческого вдохновения, как Ян Потоцкий. Проживший в Париже два года с перерывами на разъезды (с ноября 1785 по декабрь 1787), автор «Рукописи, найденной в Сарагосе» совершает второй вояж в ноябре 1790 года. Ян Потоцкий проводит в революционной столице четыре месяца и покидает ее в феврале 1791-го, чтобы вновь вернуться на шесть недель в конце 1791 года. В это время он вел дневник, до нашего времени не сохранившийся. Зато до нас дошло его письмо, адресованное брату Северину из Парижа и датированное 23 декабря 1790 года. В нем он сообщает о посещениях сеанса Национальной Ассамблеи, якобинского клуба и «Социального кружка» Клода Фоме, встречах с Мирабо и Лафайетом. Особое место отводится рассказу о постановке трагедии Вольтера «Брут» в Театре Нации. Сама обстановка в театре обращает на себя внимание. При Старом режиме публика во время спектакля, интригуя, переглядываясь и перешептываясь, вела собственную игру, никак не связанную с содержанием пьесы. Теперь же, замечает Ян Потоцкий, идейная подоплека пьесы (в случае с «Брутом» политическая) выходит на первый план и полностью меняет поведение публики, создавая эффект театра в театре: присутствующие в зале знаменитый узник Бастилии Латюд, племянница Вольтера госпожа Дени и ее супруг обращают на себя внимание не меньше, чем актеры на сцене, реплики зрителей, обращенные к ним, дополняют реплики героев трагедии [9, p. 25–26]. Наблюдения Яна Потоцкого улавливают новые формы театральной жизни и основные тенденции развития драматургии в революционном Париже [10].

Ян Потоцкий обнаруживает двойственность и в публичной парижской жизни конца 1790 года. «Общественные развлечения находятся в большом разнообразии, и все интересует меня с двух сторон: вещи сами по себе и в связи с революцией» [9, p. 26], – пишет он. Именно с нескольких противоположных ракурсов, активного участника и стороннего наблюдателя, заинтересованного политика и салонного

² Здесь и далее курсив наш – Д.К.

³ Граф Франтишек Ржевуский (1730–1800), чрезвычайный и полномочный министр Речи Посполитой в России (1765), маршалок надворный коронный (1775–1783).

⁴ Княгиня Изабелла Любомирской (1736–1816), теща Яна Потоцкого.

вертопраха, почти француза и полного чужака, он смотрит на традиционный великосветский обед. Приглашенный к герцогине Марии-Луизе д'Анвиль 23 декабря после заседания Ассамблеи, Потоцкий констатирует: «Депутаты вернулись поздно [...] Собрание было интересным. Говорили о каждом депутате: один был честен и умен, другой хорошо выступал, а иной говорил лишь глупости; один выражался ясно и четко, другой болтал бесконечно долго и невпопад. Я чувствовал себя, словно в Польше» [9, р. 26].

Проистекает ли чуткость Потоцкого к ситуации, порожденной Французской революцией, из характера самих событий либо из естественной или приобретенной склонности к лицедейству, смене масок? В пользу последнего предположения говорит постоянный интерес молодого путешественника к пограничным социальным ситуациям, бунтам и мятежам, переворачивающим привычный ход вещей. Впервые столкнувшись с общественными волнениями во время визита в Египет в сентябре 1784 года и запечатлев их в своем «Путешествии в Турцию и Египет» (*Voyage en Turquie et en Egypte fait en l'année 1784, 1788*), Потоцкий словно намеренно ищет их во время дальнейших поездок. Первое европейское турне позволяет ему стать в сентябре-октябре 1787 года свидетелем революции в Нидерландах. Туда он приезжает специально, воспользовавшись случаем и желая «еще несколько лет посещать театр важных событий и держаться так близко к сцене, как только позволено зрителю» [11, р. 67]. Через несколько месяцев, поддерживая свое намерение, он резко прерывает пребывание в Париже, услышав о подготовке выборов депутатов на сейм, возвращается в Речь Посполитую для участия в политических дебатах, а пресытившись ими, едет смотреть на революционный Париж.

Ян Потоцкий был не единственным иностранцем и отнюдь не единственным поляком, желавшим увидеть Французскую революцию собственными глазами. В «Письмах русского путешественника» Н.М. Карамзина упоминается некий «польский князь», путешествующий в собственное удовольствие, получивший от случайных спутников прозвание «великого лжеца» и рассказывающий встречным «о Бастильском штурме, на котором будто бы прострелили ему шляпу и кафтан» [12, с. 153]. Можно думать, что авантюристов подобного рода встречалось много на дорогах Европы в августе-сентябре 1789 года. Среди русских очевидцев Французской революции стоит упомянуть того же Н.М. Карамзина, молодого графа Павла Александровича Строганова с губернатором Жильбером Роммом [13, с. 250–305], князя Бориса Владимировича Голицына, франкоязычного поэта, с его младшим братом Дмитрием [14, с. 249–271; 15]. Однако в отличие от Карамзина [16, 17], многочисленные и внимательные наблюдения за парижским театром действий не складываются у Яна Потоцкого в связное и развернутое повествование. Эти наблюдения нужны ему для других целей: наполнить художественное творчество фактурой и подкрепить эстетическую позицию. Восстание жителей Сарагосы против наполеоновских войск в 1808 году, очевидцем которого Потоцкий не мог быть, становится обрамлением для последней версии «Рукописи, найденной в Сарагосе». «Революционная» рамка одновременно подсказывает направление интерпретации повествования и определения авторской точки зрения. Все события в романе рассыпаются на фрагменты, нанизанные на нить перемещений во времени и пространстве, дробящие смысл, зовущие читателя не к их составлению в единое целое, а к пониманию, что значение – непрерывный процесс поиска, а не конечный результат. Таким образом, «Рукопись, найденная в Сарагосе» – «кочевое повествование», представленное с точки зрения вольнодумца, ставящего под вопрос основные константы культурного и социального бытия [18, р. 204–205; 19; 20, р. 119–193].

Релятивизм Яна Потоцкого носил по преимуществу эстетический характер. В политическом плане писатель довольно быстро пришел к пониманию неизбежности насильственного упорядочивания революционного хаоса и связанного с ними груза тяжелых последствий нравственного и культурного характера. 17 ноября 1794 года он с горечью пишет госпоже де Сталь: «Существование всех нас было поделено надвое революцией. Живете ли Вы в прошлом или будущем? Имеете ли Вы счастье ускользнуть от настоящего?» [9, р. 35]. Здесь Ян Потоцкий предстает перед нами человеком Старого порядка, в котором легкость и беспечность в отношении самых серьезных вещей были возможны, в котором литература могла легко снижать пафос трагических событий.

Его более молодые соотечественники, воспитывавшиеся в новых условиях и на новых примерах, исповедуют совершенно иной подход. Для Людвика Платера поэзия не может не быть патриотической и гражданской в условиях, когда родина и нация раздроблены. Для поэтического высказывания он выбирает родную речь (польский язык), но для разговора о политике ему нужен французский язык, предоставляющий понятия и обороты революционной действительности. В конце 1795 – первой половине 1796 года Людвик Платер активно переписывается с младшим братом, находящимся в Варшаве. Основная тема их писем – политические события, как европейские, так и отечественные. В конце декабря 1795 – начале января 1796 Людвик Платер знакомит Михала со стихотворением, посвященным Шарлотте Корде, убийце Марата, и, по всей вероятности, получает положительный отклик: «Корде понравилась тебе, я доволен. Я не боюсь цензуры со стороны знакомых, ибо не претендую на похвалы. Для тебя я написал ее, и твоего одобрения мне достаточно» («Corday t'a plu, je suis content. Je ne crains pas la censure des connaissances puisque je n'ambitionne pas les louanges. C'est pour toi que je l'ai fait – ton approbation me suffit») [21, л. 31–31 об].

К сожалению, стихотворение не сохранилось в семейном фонде графов Платер-Зибергов Национального исторического архива Беларуси, мы не знаем, ни на каком языке оно было написано, ни каково его содержание, ни как оно соотносится со знаменитой одой Андре Шенье «Шарлотте Корде» (1793), послужившей одной из причин ареста и казни поэта-мученика. Из контекста переписки, однако, можно сделать предположение, что братья Платеры рассматривают убийцу Марата в апологетическом ракурсе – как героиню, грозу тиранов, фигуру, ставшую после казни «более величественной, нежели Брут» [22]. В пользу такой реконструкции говорит и то, что Людвик Платер, подобно Шенье, не предназначает своего произведения для широкой публики, делает его частью интимного, семейного переживания и обсуждения.

Дальнейшая переписка братьев выдержана в восторженной, даже экзальтированной тональности. Обсуждение французских политических новостей приводит Людвика Платера к размышлениям о судьбе Речи Посполитой (он, как было принято тогда, называет ее Польшей), о собственном патриотизме и высоких гражданских чувствах, которые связывают его с братом. Его письмо к брату из имения Шлосберг от 4 апреля 1796 года, как и все прочие в этой переписке, выдержано почти целиком по-французски, кроме четверостишия, написанного по-польски. Чтобы показать это прихотливое движение языка, мысли и эмоций, позволим себе процитировать это долгое послание с некоторыми купюрами:

Благодарю тебя, мой дорогой, за политические новости. Казнь Стоффле⁵ кажется мне важной, и может быть, в конце концов, она положит конец вечной войне Вандей и шуанов и рассеет честолюбивые помыслы короля Якова⁶. Ты говоришь о мире; я не думаю, что он скоро настанет, – возможно, будет так, но Бельгия останется за Францией, Польша останется разделенной. [...] Дух Свободы, сделай тиранов моей родины несправедливыми и беспощадными, тогда я порадуюсь мимолетному несчастью своих соотечественников, тогда я испытаю надежду увидеть, как они разобьют эти подлые цепи. Нет, ты не перестала существовать, Польша; нет, мои уста не произнесут такого кощунства до тех пор, пока не застынет кровь в моих жилах. Ах, как живо ощущаю я всякий миг то, что ощущал год тому, написав эти четыре строки:

Отчизна, вот тебе святая клятва,
Что верность наша не иссякнет,
И выдержим суровые години,
Пока ярмо с себя не скинешь.

[...] О, если с честной душой и святым порывом к добродетели достаточно ненавидеть деспотов, чтобы носить имя якобинца, я буду якобинцем до своего – или их, последнего издыхания. Полагаю, что всякий поляк должен разделять ныне мои чувства. Я излил свою душу тебе, добрый друг, брат и соотечественник, как сладостно было это сделать и перед кем же? – перед братом, рядом с которым я хотел умереть, рядом с которым, по крайней мере, я исполнял свой долг⁷.

Нельзя не обратить внимания на возвышенность слога этого письма, написанного по риторическим канонам ораторского выступления, но обращенного к единственному и при этом очень близкому читателю. Письмо Людвика Платера брату Михалу представляет собой разительный контраст посланию Яна Потоцкого из Парижа брату Северину: горячая восторженность и героический энтузиазм противостоят холодной иронии и отрешенной наблюдательности. Общественные позиции молодых аристократов во время революционных событий также разнятся. Сомневаясь в своей идентичности, Ян Потоцкий ищет ее в постоянном разыгрывании антагонистических ролей – патриота и космополита, деловитого участника и стороннего наблюдателя. Людвик Платер изначально выбирает активную гражданскую позицию и следует ей постоянно. Вместе с тем в обоих текстах прослеживается общая точка зрения, в соответствии с которой французские дела помогают понять и объяснить политическую обстановку в Речи Посполитой, а «польские» гражданские переживания и проблемы выражаются посредством понятий и символических образов, созданных Французской революцией (Шарлотта Корде) либо актуализированных ею (Брут).

⁵ Жан-Никола Стоффле, лидер антиреволюционного Вандейского мятежа, казненный 25 февраля 1796 года.

⁶ Ошибка – очевидно, имеется в виду английский король Георг III, правительство которого активно поддерживало антиреволюционное восстание в Вандее.

⁷ «[...] Je te remercie mon cher pour les nouvelles politiques. L'expédition de Stofflet me paraît importante et peut-être qu'à la fin cette éternelle guerre de la Vendée et des Chouans cessera pour faire évanouir les vues ambitieuses de la cour de R. James. Tu parles de paix ; je ne crois pas qu'elle se fasse si vite – en reste cela peut-être – mais la Belge restera à la France, mais la Pologne restera demembrée... Génie de la Liberté ! – rends les Tirans de ma Patrie injustes et féroces. C'est alors que j'applaudirai au malheur passager de mes concitoyens – c'est alors que j'espérerai les voir briser ces chaînes indignes. Non, tu n'a pas cessé d'exister, Pologne ; non, ma bouche ne prononcera pas ce blasphème aussi longtemps que le sang ne sera pas glacé dans mes veines. Ah ! comme je le sens vivement à tout moment ce que j'ai senti avant un an en écrivant ces 4 vers :

Oczyzno, tobie święcie pręzekamy /
Że w nas ostatek wierności nie skonczyc /
J te najgorsze czasy wytrzymamy /
Poki się jarzmo ucisku nie stroncysz.

...Oh ! si avec un cœur honnête, un saint enthousiasme pour la vertu – il suffit de haïr les Despotes pour porter le nom de Jacobin – je serai Jacobin jusqu'à mon – ou leur dernier soupir. Je crois que tout Polonais ne peut à présent que partager mes sentiments. J'ai épanché mon cœur dans le tien, bon ami, frère et concitoyen – il est si doux de le faire et encore vis-à-vis de qui ? vis-à-vis d'un frère à côté duquel j'ai voulu mourir, à côté duquel au moins j'ai fait mon devoir» [21, л. 18–19 об].

Заключение. Мы далеки от того, чтобы настаивать на господстве этой точки зрения в среде польских, литовских и латгальских аристократов конца XVIII века. Единства по политическим вопросам среди них не было. Находилось и немало сторонников Тарговицкой конфедерации, отмены конституции 3 мая 1791 года и последующих разделов Речи Посполитой. Но при этом важно видеть за различными мнениями единый историко-культурный фон. Его отличительной чертой становится подвижность границ между частной и общественной сферой, интимным и публичным высказыванием, социальной маской и субъективным мироощущением. Драматические революционные обстоятельства способствуют культурному обмену между Францией и Речью Посполитой, поддерживают его непрерывность, в самых, казалось бы, неблагоприятных условиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кануны и рубежи. Типы пограничных эпох – типы пограничного сознания : материалы российско-французской конференции : в 2 ч. / отв. ред. Е.Е. Дмитриева, В.Б. Земсков. – М. : ИМЛИ РАН, 2002. – Ч. 1. – 302 с.
2. Pezda, J. Historia Biblioteki Polskiej w Paryżu w latach 1838–1893 / J. Pezda. – Kraków : Towarzystwo Wydawnicze «Historia Iagellonica», 2013. – 200 str.
3. Wereszycka, H. «Plater-Zyberk Michał» / H. Wereszycka // Polski słownik biograficzny. Т. I – ... – Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk–Łódź : Wydawnictwo PAN, 1935–... – Т. XXVI (Piątkiewicz Bronisław – Pniewski Władysław). – 1981. – Str. 694–697.
4. Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 1503. Плятеры-Зиберги, графы. Оп. 1. Д. 179, 183, 185–186, 204, 205, 212, 216–219, 225–226, 309.
5. Réponse à la déclaration remise à S. Exc. M. Chreptowicz ministre des affaires étrangères, le 18 mai 1792 par le Ministre de S.M. l'Impératrice de Russie. – [S.l.] : Imprimerie de P. Dufour, [s.d.]. – 26 p.
6. Circulaire adressée par Sa Majesté et les Etats de la République à la Nation. – [S.l.] : Imprimerie de P. Dufour, [s.d.]. – 22 p.
7. де Мадариага, И. Россия в эпоху Екатерины Великой / И. де Мадариага ; пер. с англ. Н.Л. Лужецкой. – М. : НЛЮ, 2002. – 976 с.
8. Archives du Ministère des affaires étrangères. – Fonds Contrôle des étrangers. – Vol. 75.
9. Potocki, J. Œuvres V: Correspondance. Varia / J. Potocki ; éd. F. Rosset, D. Triaire. – Louvain : Peeters, 2006. – VI-392 p.
10. Bourdin, Ph. Aux origines du théâtre patriotique / Ph. Bourdin. – Paris : CNRS-Editions, 2017. – 504 p.
11. Potocki, J. Œuvres I: Voyages: Voyage en Turquie et en Egypte; Voyage en Hollande; Voyage dans l'Empire du Maroc suivi de Voyage de Hafez; Voyage dans quelques parties de la Basse-Saxe / J. Potocki ; éd. F. Rosset, D. Triaire. – Louvain : Peeters, 2004. – XIV-363 p.
12. Карамзин, Н.М. Письма русского путешественника / Н.М. Карамзин ; изд. подгот. Ю.М. Лотман, Н.А. Марченко, Б.А. Успенский. – Л. : Наука, 1984. – 717 с.
13. Чудинов, А.В. Жильбер Ромм и Павел Струганов: история необычного союза / А.В. Чудинов. – М. : НЛЮ, 2010. – 344 с.
14. Гречаная, Е.П. Когда Россия говорила по-французски: русская литература на французском языке (XVIII – первая половина XIX века) / Е.П. Гречаная. – М. : ИМЛИ РАН, 2010. – 383 с.
15. Ржеуцкий, В.С. Русские «участники» Французской революции / В.С. Ржеуцкий, А.В. Чудинов // Французский ежегодник. – М. : Квадрига, 2010. – С. 6–45.
16. Baudin, R. Nikolai Karamzine à Strasbourg. Un écrivain voyageur dans l'Alsace révolutionnaire / R. Baudin. – Strasbourg : PUS, 2011. – 321 p.
17. Nikolai Karamzine en France. L'image de la France dans les «Lettres d'un voyageur russe», sous la direction de R. Baudin. – Paris : Institut d'études slaves, 2014. – 228 p.
18. Fraisse, L. Potocki et l'imaginaire de la création / L. Fraisse. – Paris : PUPS, 2006. – 424 p.
19. Klene, E. Les voyages de Potocki: le regard d'un libertin / E. Klene // Jean Potocki à nouveau, études réunies et présentées par E. Klene. – Amsterdam–New-York : Rodopi, 2010. – P. 101–110.
20. Haugen, M.W. Jean Potocki: esthétique et philosophie de l'errance / M.W. Haugen. – Louvain : Peeters, 2014. – VIII-488 p.
21. Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 1503. Плятеры-Зиберги, графы. Оп. 1. Д. 183.
22. Planté, C. Du bon usage de Charlotte Corday / C. Planté // L'Homme et la société. – Vol. 94/4. – 1989. – P. 51–60.

Поступила 22.12.2017

**FRENCH REVOLUTION THROUGH THE EYES OF SARMATIANS:
JAN POTOCKI AND LUDWIK PLATER**

D. KANDAKOU

The article deals with the reception of the French Revolution events by two nobles from the Polish-Lithuanian Commonwealth: count Jan Potocki and count Ludwik Plater. The former was the direct eye-witness and the participant of the Parisian cultural life late in 1790, while the latter was an interested offside observer. They shared their impressions with their brothers in their private correspondence. Using terms and symbolical images generated by the French Revolution Jan Potocki and Ludwik Plater interpreted and got the feel of the events in their homeland. The theatricalisation of life experience was a feature of Jan Potocki and Ludwik Plater's social behavior. This fact brings to the conclusion that by the end of the 18th century borders between privacy and publicity, personal and public opinion, social mask and subjective attitude were flexible in the public sphere of the Polish-Lithuanian Commonwealth.

Keywords: French revolution, 18th century Francophone literature, neoclassical theatre, theatricalisation, private correspondence, symbolical images.